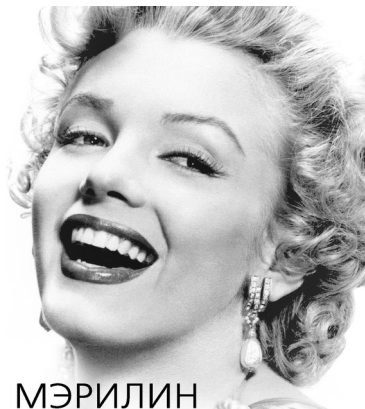




МЭРИЛИН

МОНРО

ЖИЗНЬ В МИРЕ МУЖЧИН

Софья Бенуа
Мэрилин Монро. Жизнь в мире мужчин
Серия «Женщина, покорившая мир»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056151
Софья Бенуа. Мэрилин Монро. Жизнь в мире мужчин: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0416-3

Аннотация

Мэрилин Монро – американская киноактриса, певица и секс-символ. Впрочем, уже более полувека ее имя знакомо каждому, ведь блондинка Мэрилин известна всему миру как самая красивая актриса золотого века Голливуда. За свою яркую, но короткую жизнь она успела пережить три брака и множество иных любовных связей, которые не принесли удовлетворения ее душе, а лишь довели до психиатрической клиники в Нью-Йорке. Среди ее близких поклонников – президент США Джон Ф. Кеннеди и его брат, министр юстиции США Роберт Кеннеди.

В чем причина личных неудач знаменитой актрисы? Кто из сильных мира сего причастен к ее смерти? За что ее обвиняют в извращениях? И кому она признавалась: «Жизнь научила меня, что один человек не может любить другого по-настоящему»? Ответы на эти и другие вопросы звучат так, словно бы Мэрилин Монро сама ответила на них...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Софья Бенуа Мэрилин Монро Жизнь в мире мужчин

Глава 1 Звезда по имени ММ

Девушка-простушка с заурядным именем Норма Джин Мортенсон превратилась в сияющую звезду Мэрилин Монро в 1946 году при подписании контракта с киностудией XXth Century – Fox («XX век – Фокс»). Об открытии этой звезды ходят самые разные легенды, чаще всего нам говорят, что красавицу открыл бывший актер Бен Лайон, ставший в середине сороковых годов «охотником за талантами». Будто бы Лайон рискнул снять кинопробу без официального разрешения руководителя студии Дэррила Занука; тогда же понял, что никакая «Норма Джин» не тронет сердца поклонников. Он придумал ей имя Мэрилин, когда актриса озвучила фамилию бабушки Монро, которую могла бы взять в качестве псевдонима. Так возникла символическая аббревиатура ММ, под которой вошла звезда знаменитой актрисы.

Кто только не ругал первые фильмы с участием Мэрилин Монро, называя их безвкусицей, в которых искусственная блондинка виляет бедрами и глупо улыбается. Но в подобных оценках прослеживается несправедливая зависть, ведь актриса смогла завоевать зрителей уже самым фактом своего магнетического присутствия на экране. Девушка резко отличалась от десятков раскрашенных старлеток на экранах большого кино своей непосредственностью и живым обаянием.

Но разве бы мир узнал эту белокурую красавицу, если бы не ее тетя Грейс Мак Ки, которая привела девочку на киностудию, когда той исполнилось всего-то шесть лет. и которая впрочем, никакой родственницей нашей героине не была. Однако обо всем по порядку.

На тот момент, когда Грейс Мак Ки привела Норму Джин Бэйкер в кинематографическую сказку, ей самой было чуть за тридцать. Тетя Грейс, как и мать девочки Глэдис, работала на киностудии монтажером, и уже давно мечтала о славе актрисы, ведь только кино могло приблизить любую славную американскую девушку к исполнению самой заветной мечты, потому что кино для Америки – это настоящий Рай. И многие американки в буквальном смысле молились, чтобы попасть этот заветный Рай.

Несмотря на то, что малышка еще не осознавала свои возможности и перспективы, ее тетюшка была полна надежд и всю дорогу подбадривала девочку, заставляя ее широко улыбаться.

Кинематографический Рай – это прыжок из бедности в роскошь, из безвестности в мир славы, из забвения в мир восторженного обожания. Ах, как же повезло малышке Джин, что есть кому позаботиться о ее славном будущем. Вот они уже достигли киностудии с яркими неоновыми буквами на фасаде «Метро Голдвин Майер» или «XX век – Фокс».

В этот июльский день 1932 года через турникет киностудии пропускали детей в сопровождении родителей и других родственников, при этом взрослые волновались, пожалуй, больше ведомых ими за руку разряженных и напуганных чад. У Нормы Джин Бэйкер тоже накрахмаленное платьице и тщательно уложенные завитушки, легкий искусственный румянец на лице и сияющая улыбка. Она с интересом разглядывает разряженных соперниц и крутящих шеями, втиснутыми в накрахмаленные воротнички, соперников, тогда как ее тетя

напряжена, ведь вокруг так много желающих «заполучить удачу» за счет детской наивной непосредственности, продав ее подороже как несомненный талант любимого чада.

Им повезло: «удача» поджидает их рядом с домом в Лос-Анджелесе; и они не преминут воспользоваться всеми выгодами, которые сулит им завлекательная неоновая вывеска, приглашающая в Рай. Впрочем, они уже не единожды стучались в эти двери, и не единожды получали отказ...



Блондинка, ставшая легендой

– Повтори-ка реверанс, деточка... Не забывай улыбаться, не делай резких движений... Подумай, как будет рада твоя бедная мама, если ты станешь кинозвездой!

Так напутствовала малышку тетя. Стоит сказать, что мать девочки Глэдис Бэйкер тоже работала на студии в монтажной и постоянно горбилась над пленкой. День за днем она перематывала и склеивала кинопленку, задыхаясь от насыщенного парами ацетона воздуха. Чтоб уберечь руки, женщина работала в белых перчатках. Как и ее сестра Грейс Мак Ки, она мечтала о киношном будущем своей дочери и том времени, когда богатые мужчины будут целовать ей чистые холеные руки. Неизвестно, кто из женщин первой высказал мечту определить девочку в кино; впрочем, С. Ренер в книге «Трагедия Мэрилин Монро» утверждал: «Еще прежде, чем у дочери прорезался первый зуб, Глэдис уже выбрала для нее карьеру кинозвезды». Несмотря на то, что любимой приговоркой Глэдис были слова «Жизнь не стоит усилий!», которые она без конца повторяла, сама женщина приложила немало усилий, чтобы

превратить свою дочь в красавицу, достойную киноэкрана. И даже если ей удалось немного на этом пути, она сумела заронить в душу своей дочери страстное желание быть звездой, быть красивой, желанной, а, значит, и сексуальной. В те годы Америка только-только вступила на путь сексуальной раскрепощенности...

Глэдис Бэйкер, молодая женщина, обойденная настоящим женским счастьем и мужской любовью, вкладывала свою страстную любовь в дочь. В какой-то момент Глэдис даже перестала ездить в автобусе, только чтобы сэкономить на косметику для дочери. Мать покупала для маленькой любимицы карандаши для бровей, румяна, помады, сверкающие безделушки-украшения.

Но обстоятельства сложились так, что когда мать Нормы заболела, к приобщению девочки к киноискусству со всем пылом взялась Грейс Мак Ки. Каждое воскресенье тетя водила Норму на Беверли Хиллз, где жили кинозвезды, или же к Китайскому театру, где «собралась толпа зевак поглазеть, как очередная знаменитость, оставляет отпечаток ступней, ладоней и даже губ на мягком гипсе». Расхаживая с ребенком среди этих отпечатков чужой славы, молодая женщина словно в утешение беспечной спутнице говорила:

– Потерпи, дорогая... Очень скоро и твоя ступня будет навсегда запечатлена здесь.



Малютка Норма Джин

...И в тот раз, когда тетя едва ли не в сотый раз привела Норму на экзамен в Рай, им не повезло. Как только подходила их очередь, девочка вдруг начинала заикаться, забывать па,

которые ей нужно было представить взыскательному жюри. Услышав привычное, что она проваливалась, расстроенная Норма потупила головку, чтобы скрыть слезы. Она понимала, что в который уж раз подвела свою попечительницу. Но вместо упреков услышала ободряющее:

– Не плачь, детка. Может, в другой раз нам повезет больше. Ты ведь еще совсем маленькая. У тебя все впереди.

Чтобы утешить плачущую кроху, Грейс Мак Ки вела ее гулять к роскошным заведениям Лос-Анджелеса – к отелю «Александрия», где танцевали кинозвезды, или к кинотеатру «Калифорния», где демонстрировались модные фильмы. «Прогулки надежды», как называла это Грейс, быстро утешали ее подопечную, вселяя в них обоих веру в то, что однажды удача обязательно им улыбнется.

Кто-то из авторов утверждает, будто однажды, увидев во время «прогулки надежды» счастливых киноактрис в облегающих парчовых платьях с откровенными декольте Норма Джин вдруг спросила: «А если я разденусь догола, меня сразу снимут для пробы?» На что Грейс ответила: «Слишком рано, малышка... тебе пока еще нечего показывать». Так это или нет, мы вряд ли узнаем, однако о том, что сексуальная составляющая заботила Норму Джин с самого раннего детства, известно всем биографам белокурой звезды.



Малютка Норма Джин. Детство кажется таким беззаботным...

Глава 2

Мортенсон, Джиффорд , Гейбл.

Кандидаты на роль отца

Ни сама Мэрилин, ни ее биографы не пришли к единому мнению, кто же являлся ее отцом. Эта страница жизни звезды окутана мрачной тайной. Однако история ее семейства по материнской линии тщательно задокументирована, и ничего хорошего для будущего самой Мэрилин она не предвещала. Ибо из бумаг следовало, что самая вероятная дорога представителям этого семейства лежит лишь в сумасшедший дом. Зная судьбы своей родни, Мэрилин не без причины страшилась, что обречена на умственное расстройство.

Ее прадед по материнской линии, Тилфорд Хоган, повесился в возрасте восьмидесяти двух лет. Конечно же, добровольный уход из жизни пожилого человека не обязательно признак сумасшествия, но психические расстройства в семье наблюдались и без трагической кончины Хогана. К примеру, причиной смерти ее деда по материнской линии, Отиса Монро стал общий парез. А парез, как нам сообщают специалисты, и парезное слабоумие, – это форма душевной болезни, вызванной сифилисом в последней стадии. Бабушка Мэрилин Делла, страдающая маниакально-депрессивным психозом, умерла в доме для душевнобольных в возрасте пятидесяти одного года. Случилось это всего через год после рождения Мэрилин. Впоследствии звезда заверяла, что помнит, как бабушка незадолго до того как была отправлена в психиатрическую лечебницу, пыталась задушить ее. Возможно, не память младенца тринадцать месяцев от роду запечатлела эти прискорбные события, а воспоминания кого-то из взрослых, выказанные в присутствии малолетней девочки, навсегда осели в ее головке. И если это событие имело место, то можно утверждать, что сама жизнь Мэрилин началась с насилия.



Америка начала XX века

О детских страхах звезды ходит много легенд, и где правда, а где ложь, нам определить сложно. Но то, что насилие над психикой и физиологией ребенка, а затем подростка имели место, – не вызывает никаких сомнений.

* * *

Семьи как таковой в жизни девочки не существовало. После рождения Нормы Джин летом 1926 года, ее мать, двадцатичетырехлетняя Глэдис, не имея достаточно средств, снова отправилась работать киномонтажницей. Помимо дочери, молодая мамаша уже имела двух сыновей от двух распавшихся браков, но их судьба мало заботила женщину – дети находились на иждивении родственников первого мужа. К тому же еще после рождения Нормы Глэдис была вынуждена присматривать за родителями. В свете всего этого кажется странным, что мать-одиночка стремилась исправно заботиться о дочери, и даже как могла баловала малышку в ущерб себе (вспомним хотя бы отказ Глэдис ездить на работу на автобусе, чтобы купить крошке косметику).

Возвращаясь к предположениям об отце Нормы Джин, мы тем самым попытаемся вторгнуться в душевный мир будущей звезды ММ. В свидетельстве о рождении девочки отцом назван «Эдвард Мортенсон». Известно, что этот человек был женат на двадцатилетней Глэдис и имел в этом браке сына. Мартин Э. Мортенсон был норвежским иммигрантом, булочником, который в 1929 году (Норме Джин на тот момент исполнится три год) погибнет в мотоциклетной аварии. Мог ли этот человек быть еще и отцом дочери Глэдис Бэйкер? И да, и нет.

Несмотря на то, что во всех официальных документах Мэрилин Монро указывала его имя, она всегда отрицала, что Мортенсон был ее отцом.

Одному из репортеров ММ призналась, что ее настоящий отец – человек, «живший с моей матерью в одном доме. Он ушел, покинув мать в тот момент, когда я должна была появиться на свет». Предположительно этим мужчиной был Стенли Джиффорд, коллега Глэдис, также служивший в компании «Консолидейтед Филм Индастриз». Находились свидетели, утверждавшие, что когда брак Глэдис с Мортенсоном распался, именно Джиффорд стал ее любовником.



Провинциальное американское детство. Фото начала 20-х гг. XX века

По одной из озвученных самой Мэрилин версий, ее мать как-то ткнула пальцем в одну из фотографий, сказав: «Вот твой отец». С той поры девочка запомнила лицо человека в шляпе с широкими опущенными полями, «в глазах его притаилась живая улыбка, и у него были тонкие усики, как у Кларка Гейбла». После чего в голове Нормы появился новый пункт – новое свидетельство того, что наследница семьи самоубийц и сумасшедших пошла по уготованной ей трагической дорожке: сначала Норма Джин заверяла своих легковых друзей, что ее отцом был Кларк Гейбл, а много позже – в последние месяцы жизни, снимаясь вместе с Гейблом в «Неприкаянных», она снова вытащила свою детскую фантазию на свет. По словам супруги врача-психиатра кинозвезды, Хилди Гринсон, «Мэрилин иногда позволяла себе думать, что Гейбл и в самом деле был ее отцом».

Впрочем, в тот же трагический год, когда в ее памяти всплыл образ Гейбла-соблазнителя-ее-матери, Мэрилин Монро, заполняя казенные бумаги, в графе «Имя отца» написала просто и сурово: «Неизвестно».

* * *

Что еще пыталась понять девочка о своем отце? Что могла она узнать от своей непутевой матери? Кроме невнятного образа на фото в ее памяти осталась характеристика, данная этому человеку Глэдис: «король кутил». Причем этим загадочным «королем» мог быть едва ли не любой разряженный молодой человек, пришедший в скромную квартиру на бульваре Уилшир, 5454, где жила молодая киномонтажница Глэдис.

Даже будучи обремененной заботой о подрастающей девочке, женщина была не прочь приютить мужчин (некоторые из них, вполне вероятно, могли оказаться коллегами по работе), которые заявлялись к ней, чтобы хорошо провести время, поболтать и выпить пива. На время этих посещений ребенка либо отправляли играть на улицу, либо укладывали спать. Но иногда, как пишет С. Ренер, «девчужка слонялась по комнате, то позволяя незнакомцам ласкать себя, то уклоняясь от ласк». Возможно, в подобном отношении к ней кроется навязчивая вера в то, что в детстве Мэрилин была изнасилована; но эта параноидальная вера может также быть фантазией человека, всю жизнь живущего на грани помешательства.



Будничная жизнь простого народа. Америка 20 – 30-х гг. XX века

Как только девочке исполнилось семь лет, произошло непоправимое, а именно столь серьезное обострение болезни у ее матери, что врачи были бессильны что-либо исправить. В

последние месяцы состояние ее матери было довольно странным, дни безысходной депрессии сменялись бесконечной, навязчивой болтовней о грехах и страхах или еще хуже – взрывами необоснованной ярости. В один из таких дней Глэдис вдруг набросилась на подругу с обвинениями, что та хочет похитить у нее ребенка, как раньше хотела похитить ее любовника, отца Нормы. В руках помешанной мелькнул нож. На крики сбежались соседи... И вот уже мать несчастной девочки срочно отправлена в ту же больницу, в которой совсем недавно скончалась ее собственная мать, бабушка Нормы Джин.

Исключая короткие перерывы, Глэдис будет лежать в психиатрической лечебнице на протяжении почти всей жизни Мэрилин. «В своей одержимости Глэдис следовала дорожкой, проторенной собственной матерью. Религиозный фанатизм и чувство вины за неведомый грех встречаются как при маниакальных расстройствах, так и при шизофрении», – сообщает нам биограф звезды Энтони Саммерс. Подобный путь расстилался перед только-только вступавшей во взрослую жизнь девочкой. И этой девчужке предстояло пройти через ловушки страха, каверзы всевозможных препятствий, через боль, насилие и надежду...

Когда Глэдис Бэйкер отвезли в больницу, ее подруга по работе Грейс Мак Ки сказала плачущей Норме:

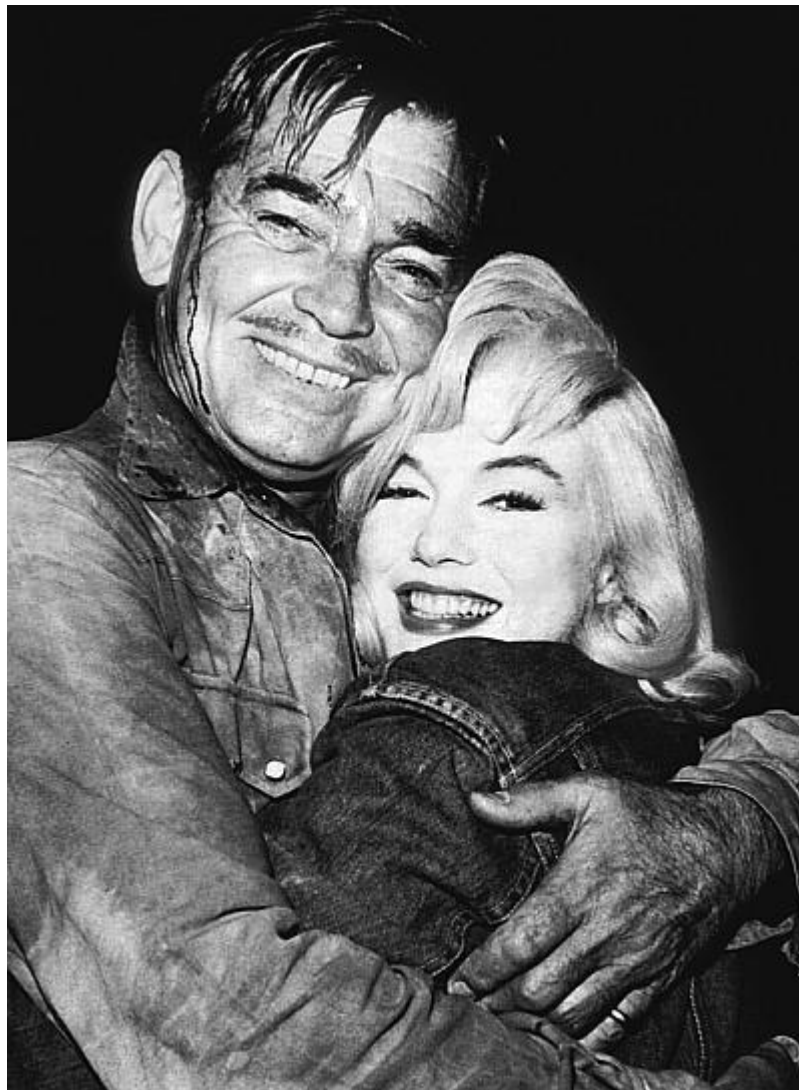
– Зови меня тетя Грейс. Я позабочусь о тебе, пока твоя мама не поправится.



Так снимались первые фильмы знаменитых голливудских студий

Однако Грейс не могла полностью посвятить себя заботам о ребенке, к тому же совсем недавно она сменила работу, устроившись на «Коламбия» архивариусом. Женщина решает передать девочку на попечение властей Лос-Анджелеса, оставив для общения с Нормой лишь выходные дни. Вскоре Норму поместили в семью, получавшую на ее содержание двадцать долларов в месяц. С этого момента начались мытарства несчастной девочки по приемным семьям.

Норма Джин Мортенсон сменила десять приемных родителей, два года провела в сиротском приюте Лос-Анджелеса, затем еще в одной приемной семье и, наконец, четыре года с опекуном, назначенным ей властями округа после помещения ее матери в психиатрическую клинику. «Длинная цепь лишений и страданий стала классической основой для будущего психического расстройства», – констатировал Э. Саммерс в книге «Богиня». Этому же биографу принадлежит великолепная фраза: «Жизнь Мэрилин Монро, в которой ей суждено было познать блеск славы и мрак трагедии, разворачивалась по безжалостному сценарию, написанному ее прошлым».



Кларк Гейбл и Мэрилин Монро. Еще девочкой она говорила, что он мог быть ее отцом

Глава 3

Насилие как трагедия. Насилие как фантазия

В 1935 году, в день рождения Нормы, тетя Грейс Мак Ки объявила девочке, что выходит замуж за доктора Годдара. Норме Джин на тот момент исполнилось девять лет. Девочка даже побывала на свадьбе, но так и не стала частью новоиспеченной семьи. Оказалось, что у мужа Грейс трое взрослых детей от первого брака, которые по желанию их матери переехали к отцу спустя всего несколько дней после свадьбы. Перед их приездом Грейс Мак Ки взяла хрупкую девчушку за руку, и, прихватив чемодан, отвела ее на Эль Центро-авеню, где находился детский приют.

Именно этот переломный возраст в девять лет оказался запечатленным в сознании Нормы как время, когда ее изнасиловали. Даже будучи звездой, Мэрилин Монро внушала себе и другим, что заикается из-за того, что на девятом году жизни пережила насилие.

В 1954 году кинозвезда раскрыла публике шокирующие подробности: «Мне было почти девять. Я жила в семье, которая сдавала комнату мужчине по имени Киммель. Это был человек сурового вида. Все с уважением относились к нему и называли не иначе как мистер Киммель. Я как-то проходила мимо его комнаты, когда дверь открылась и он тихо сказал: «Норма, зайди, пожалуйста...». Он улыбнулся мне и повернул ключ в замке. «Теперь ты не можешь уйти отсюда», – сказал он, как если бы мы с ним играли в игру. Я стояла и во все глаза смотрела на него. Мне было страшно, но я не осмелилась подать голос... Когда он обхватил меня руками, я изо всех сил начала брыкаться и драться, но я не произнесла ни звука. Он был сильнее, чем я, и не отпускал меня. Все это время он шептал мне на ухо, чтобы я была хорошей девочкой. Когда он открыл дверь и выпустил меня, я бросилась к своей «тете», чтобы рассказать, что мистер Киммель со мной сделал. «Я хочу тебе кое-что рассказать, – запинаящимся голосом пробормотала я, – о мистере Киммеле. Он... он...»»



Эту девочку с кудряшками тетя Грейс водила на киностудии

Как утверждала Мэрилин, ее приемная мать лишь строго возразила: «Не смей говорить ничего дурного о мистере Киммеле. Мистер Киммель – замечательный человек». А затем вышел Киммель, и, дав девочке мелочь, сказал, чтобы она пошла и купила себе мороженое.

Эту историю актриса Мэрилин Монро повторяла на протяжении многих лет... И даже незадолго до смерти в одном из последних интервью Мэрилин повторила: «Это случилось на самом деле. Но я не выбежала из комнаты с криками и слезами... Я понимала, что это было дурно, но, по правде говоря, больше всего в тот момент меня разбирало любопытство. До сих пор о сексе мне никто ничего не говорил и, честное слово, я никогда не думала, что это было так важно или плохо». К слову: голливудский психиатр Ральф Гринсон, который в последние годы лечил Мэрилин Монро, сам признавал, что у его подопечной было «слишком ужасное прошлое».

Впервые об изнасиловании Норма Джин упомянула еще в 1947 году в беседе с журналистом Ллойдом Ширером, который брал у нее интервью по просьбе отдела печати киностудии «XX век – Фокс». Как известно, уже год как молодая женщина выступала под именем Мэрилин Монро. Выслушав ее жуткую исповедь, парень решил ничего подобного не писать о Мэрилин. Но позднее он рассказывал: «За обедом она призналась нам, что на нее посягнул один из ее опекунов, изнасиловал полицейский и напал моряк. Тогда мне показалось,

что она живет в мире фантазий, с головой погрузившись в процесс его создания и ничем не интересуясь, кроме собственной сексуальности».

То ли следуя своей неумейной фантазии, то ли предаваясь реальным воспоминаниям, Монро рассказывала и о другом эпизоде раннего секса. Будучи то ли восьми, то ли девяти лет от роду, она, по ее словам, «влюбилась в мальчика по имени Джордж. Мы вместе любили прятаться в траве, где оставались до тех пор, пока ему не делалось страшно и он вскакивал и убегал. То, чем мы занимались в траве, никогда не пугало меня. Я понимала, что это было плохо, иначе я не стала бы прятаться, но что именно было дурно, я точно не знала. По ночам я лежала без сна и пыталась себе представить, что такое секс и что такое любовь. Мне хотелось задать тысячу вопросов, но спросить было не у кого».



Первые фотосессии...

Согласно версии, которую озвучил фотограф «Лайфа» Филипп Холсмен, – когда он спросил у Мэрилин: «Скажи, сколько тебе было лет, когда ты впервые занялась сексом?», актриса ответила: «Семь».

– Боже мой! – воскликнул Холсмен. – А сколько лет было мужчине?

– Он был еще моложе, – смущенно прозвучало в ответ.

Много позже, уже после безвременной кончины звезды психиатры с мировыми именами выявят в подобном поведении Монро признаки шизофрении. К несчастью, как правильно говорят: яблоко от яблони недалеко падает...

* * *

Став частью приюта, неотъемлемой частью его унылой жизни, девочка и тогда не могла бы забыть о существовании кино, того мира грез, к которому так долго ее приучали мать, а затем и тетя Грейс. Приют, в котором оказалась Норма Джин, помещался в старом кирпичном трехэтажном доме под номером 815, а совсем рядом возвышались студии «РКО» и «Парамаунт», и их красные и синие вывески освещали окна приюта. Также в канун Рождества по заведенной традиции киностудии отправляли своих звезд с подарками к сироткам. Приютские дети искренне радовались подаркам и с интересом разглядывали роскошных красавиц.

В 1938 году Грейс Годдар, которую Норма привыкла звать просто «тетя Грейс», наконец-то решила «взять ее в семью». Норме пошел тринадцатый год, и она уже познала «странный вкус бытия», связанный с переездами из дома в дом, из семьи в семью. «Этот жест был сделан слишком поздно, чтобы произвести на Норму какое-то особое впечатление. Она восприняла это лишь как очередной переезд».



Кто бы мог тогда подумать, что эта озорная девушка станет звездой...

Сильван Ренер утверждает: «Она была уже не ребенком, обретшим семью, а рано созревшей девушкой... Угловатая худышка как-то сразу, за несколько недель, стала необыкновенно привлекательной. Она неумеренно натиралась кремами в ванной комнате Годда-

ров. И хотя губная помада с ее запахом масла и какао была ей противна, она до безобразия малевала губы. Ничего не поделаешь. Она усиленно раскрашивала себе лицо, как маску для войны».

Сама Мэрилин Монро в 1954 году признавалась о том далеком времени, полном навязчивых провокаций и недетского познания:

– Мое появление в школе с накрашенными губами и подведенными бровями вызвало многочисленные толки. Но я не имела ни малейшего представления, почему меня выставляли бездушной соблазнительницей. Мне вовсе не хотелось, чтобы меня целовали, я и в мыслях не держала обольстить какого-нибудь принца или кинозвезду. По правде говоря, со всем своим макияжем, напыленными губами и развитыми не по годам формами я оставалась холодной, как ископаемое. Но на людей, похоже, я производила впечатление прямо противоположное.

Норма Джин, развитая не по годам, начала встречаться с парнями, как правило, намного старше себя. «В тринадцать лет ее рост установился окончательно – метр шестьдесят три; у нее была фигура женщины, но улыбка, выражение лица оставались детскими. Она была не прочь прокатиться в машине – ничего иного ей не хотелось. Парни увозили ее, играя с огнем». Имеется свидетельство нью-йоркской Эми Грин, близкой подруги Мэрилин, будто актриса уверяла ее, что впервые переспала с мальчиком, когда училась в старших классах.

С одиннадцати лет Норма Джин начала посещать среднюю школу в Эмерсон Джуниор, с пятнадцати лет она ходила в школу в Ван-Ньюсе. Но не прошло и года, как пришлось бросить ее и выйти замуж за Джима Дахерти. Сексапильной девочке на тот момент только-только исполнилось шестнадцать лет.



Глава 4

Джим Дахерти. «Дружба с сексуальными привилегиями»

Грейс Годдар и ее престарелая тетя Энн Лоуэр были встревожены тем, что рассказывали об их юной воспитаннице. Впрочем, женщины и сами замечали неприкрытый интерес парней и великовозрастных мужчин к рано расцветшей красавице. Одни биографы считают, что именно поведение Нормы Джин сыграло ключевую роль при принятии решения выдать ее рано замуж. Тогда как другие говорят, что Грейс приняла это решение после того, как она «со своим новым мужем решила переехать на Восток, и они посчитали неудобным брать с собой и Норму Джин». Как бы там ни было, но именно тетя Грейс нашла мужа своей подопечной. Им оказался сын соседей Джим Дахерти, которого семья Годдаров хорошо знала.

Джиму шел двадцать второй год, он был упрямым парнем, влюбленным в футбол. В силу сложных финансовых обстоятельств в семье ему довелось променять колледж на работу в похоронном бюро, где Джим занимался бальзамированием трупов, и еще в ночную смену он стал подрабатывать слесарем на «Локхид Авиэйшн». И, похоже, женитьба не входила в его ближайшие планы. Парень развлекался вовсю, катая девушек на двухместном «Форде» модели 1940 года. Среди его случайных подружек была и Норма Джин, пару раз прокатившаяся на славной машине по традиционным местам подростковых свиданий, которые чаще всего проходили либо возле ближайшей фермы, либо в живописных местах гор Попс-Уиллоу-Лейк.



В один из дней в жизни Дахерти появилась опекунша Нормы Джин с предложением жениться на своей воспитаннице. Она пыталась разжалобить сердце юноши тем, что иначе девушку отошлют в сиротский приют. Возможно, именно этот аргумент возымел действие. Как бы там ни было, свадьба состоялась 19 июня 1942 года.

Норме Джин едва-едва исполнилось шестнадцать лет. праздничное событие происходило на в доме друзей Дахерти, на просторной веранде, выходившей на Бентли-авеню. После обильного ужина шумная компания молодежи направилась в голливудское ночное кабаре «Флорентийские сады», чтобы вдоволь потанцевать и повеселиться.

Медового месяца и традиционного свадебного путешествия у молодоженов не было. В понедельник утром супруг Нормы Джин вернулся на работу на авиазавод. Жена-подросток осталась вести домашнее хозяйство.

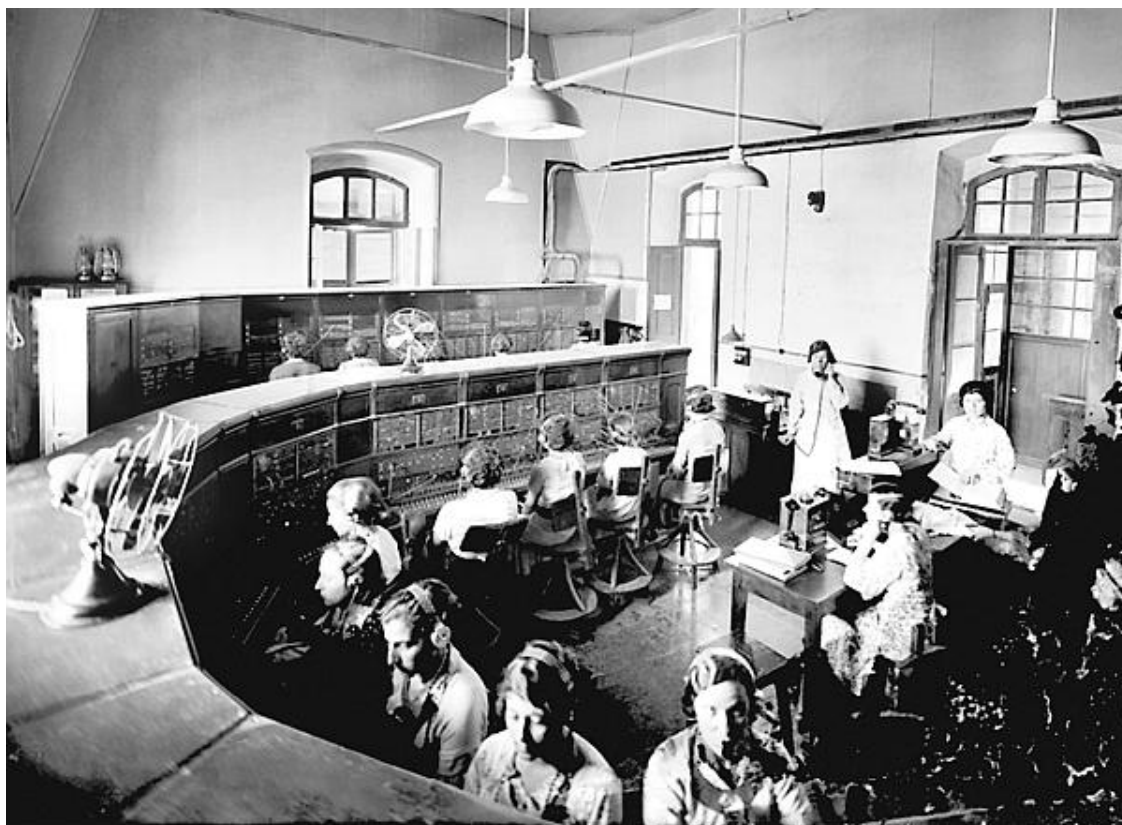
Вот как описывается повседневная жизнь молодой парочки в книге «Трагедия Мэрилин Монро»:

«Квартира молодоженов представляла собой однокомнатное бунгало номер 4524 на Виста дель Монте-стрит, в предместье Лос-Анджелеса Ван Наис.

Норма не любила есть по часам, ненавидела грязные тарелки и запах раковины. Она предпочитала сто раз на дню открывать холодильник и, не откладывая в сторону журнала мод, откусить кусочек мяса, смазнуть указательным пальцем немного масла, откусить яблоко.

Вечером, когда Джим открывал холодильник, его чуть не тошнило. Он удивлялся – все продукты выглядели так, как будто их грызли мыши. Кроме того, Норма выходила из дому только затем, чтобы купить какой-нибудь материи. Она начинала сразу сотню дел и ни одного не доводила до конца, как не доедала ни одного из начатых блюд.

В ее понимании жизнь замужней женщины была тягостным бременем, которое можно было сравнить с приютскими порядками. Но ей не хватало наставниц, помогавших делать все вовремя. Она как бы возвратилась в детство, утратив преимущества этого возраста. У нее не оказалось нянек. У нее не было даже того, что она имела в приюте, где на десятерых была одна няня. К концу дня, упав духом, она валилась на диван посреди не убранных вещей. Когда Джим вечером приходил домой, она с опаской спрашивала его, не хочет ли он поесть, потому что у нее уже не было сил что-нибудь приготовить».



Традиционное место работы американских женщин в первой половине XX века

Могла ли подобная жизнь продлиться достаточно долго? Ответ очевиден. Даже несмотря на всевозможные романтические записки, которые новоиспеченная супруга прятала в пакеты с бутербродами, снабжая ими мужа, спешившего на работу. К сожалению, ее страстные и трогательные порывы так и не были поняты. Джима настолько раздражали эти записки, что в итоге он стал рвать их, даже не читая.

О своем первом замужестве Норма Джин, ставшая к тому времени Мэрилин Монро, рассказала в первые дни своей внезапно нагрянувшей славы журналисту Бену Хекту. Джим Дахерти хранил тайну их брака до семидесятых годов XX века, пока тоже не решился рассказать кое-какие подробности. О его жизни известно, что он женился вторично и стал полицейским. По прошествии нескольких лет Джим Дахерти он занимался подготовкой полицейского отделения, ставшего известным под названием CBAT (SWAT).

По признаниям Джима, поступки его жены, ее наряды, ее блюда очень быстро стали вызывать у него отвращение. У парня создавалось впечатление, будто он «приходит с работы не домой, а в публичный дом». Немудрено, что очень скоро дело дошло до оскорблений и

грубостей. Впрочем, они все еще находили общий язык, легко примиряясь в постели. Он откровенничал:

– Норма Джин любила заниматься сексом. Для нее это было таким же естественным, как завтракать по утрам. С этим у нас никаких затруднений никогда не возникало. Стоило нам раздеться, как нас обоих тотчас начинало лихорадить, мы падали в объятия друг друга, едва успев выключить свет... Иногда она любила подразнить меня немного, встречая, когда я возвращался из Локхида домой, обмотав вокруг тела две маленькие красные косынки... В ней что-то было. Иногда, вернувшись с работы, я не успевал даже поставить сумку с обедом, которую брал с собой, как она тащила меня наверх...



Традиционное место работы американских женщин в первой половине XX века

* * *

Спустя год после их женитьбы, осенью 1943 года Джим стал служить на торговом флоте. Нельзя забывать о том, что в эти годы на другом конце земного шара – в Европе – шла кровопролитная война.

Местом службы Дахерти стал остров Каталины. Супруга последовала за мужем. К счастью для Нормы Джин Дахерти не был ревнивцем, и потому год, проведенный ими вместе, принес им почти идиллические мгновения. Они вместе ловили рыбу, вместе купались, с юным воодушевлением занимались спортом. И хотя Норма Джин обожала красоваться перед парнями в униформе, заполонившими остров, обожала привлекать их внимание на ночных вечеринках, ее муж был долгое время терпелив. И лишь однажды они повздорили, когда Норма Джин всю ночь танцевала со всеми моряками подряд, кроме самого Дахерти.

В 1944 году Джиму приказали отправляться за океан, в Новую Гвинею. Норма Джин переехала жить к его матери, и, словно самая порядочная и верная жена на свете, ежедневно писала мужу ласковые письма. Так продолжалось несколько месяцев подряд.

Пока Джим Дахерти бороздил воды Тихого океана, его молодая жена работала на Радио Плейн – этот завод выпускал самолеты, используемые для ведения стрельбы по мишеням. В то время многие молодые женщины, прежде не работавшие, занимались обслуживанием станков и сложных аппаратов. Девушки, прежде служившие в барах и ресторанах, заменяли мужчин на заводах. Так было и в Европе, и в США.

Норма Джин проверяла парашюты и красила фюзеляжи. Позже она признается:

– На завод я носила комбинезон. Меня удивило, что это было обязательным. Надеть на девушку комбинезон было все равно что заставить ее работать в гимнастическом трико, особенно если девушка знает, как правильно носить его. Мужчины перешептывались у меня за спиной, как когда-то перешептывались ребята из старших классов. Вероятно, я вела себя неправильно, раз мужчины на заводе пытались назначать мне свидания и покупать вино. Я не чувствовала себя замужней женщиной.



Первые серьезные фотосессии

Во время коротких отпусков мужа-моряка Норма была столь привлекательна и желанна, что молодые люди почти все время проводили в гостиничном номере, нежась в постели.

В конце 1944 года, когда война близилась к логическому завершению, в жизни Нормы Джин появился удивительный шанс изменить все. Все началось тогда, когда на Рэдио Плейн появился рядовой Дэвид Коновер, чтобы сделать несколько фотографий женщин, выполнявших военный заказ. Армия регулярно направляла штатных фотографов на заводы и стройки, чтобы доказать солдатам на фронтах, что их жены тоже помогают ковать победу. Боевой дух солдат – вот что стояло тогда на первом плане, и поднять его лучше всего могли не приказы и окрики, а кокетливо выставленные ножки юных красоток, работающих на машинном конвейере или в сборочном цеху.

Фотограф Коновер открыл перед Нормой дверь в мир, о котором ей можно было только мечтать. Но произошло это благодаря не только случаю, а и страстной мечте, которую сама Норма лелеяла еще с тех времен, когда и мать, и тетя Грейс водили ее по киностудиям в надежде продать ее детское личико, ее ангельскую непосредственность. И, надо признать, девушка тоже приложила к осуществлению своей мечты некоторые немаловажные усилия.

* * *

Однажды Норма Джин Дахерти очутилась в здании на Уайн-стрит Лос-Анджелеса, где располагалась многообещающая «Школа шарма». Сначала молодая замужняя женщина занималась заочно, дома, ожидая письменных заданий от директрисы мисс Шнеебол. Исполняя задания по курсу «голливудского шарма», ученица каждый вечер воплощала перед зеркалом один из «ярких образов» истории или современности. Она старалась воспроизвести позу какой-нибудь актрисы кино или героини известной картины, при этом позволялось использовать подручные средства: макияж, шиньоны, предметы декора...



Курс заочного обучения шарму предполагал и уроки от заикания, – а Норма, как известно, страдала от подобного милого недостатка.

Школа, готовившая Мэрилин на роль соблазнительницы международного класса, получила в качестве оплаты всего-то сто долларов (кстати, Норма Джин получала 20 долларов в неделю, работая на заводе по десять часов в день). Но благодаря этой трате денег Норма Джин научилась азам актерского мастерства.

Одним из домашних упражнений было раздевание догола. Уроком рекомендовалось: «Внимательно изучайте себя, стоя обнаженной перед зеркалом, изучайте до тех пор, пока не обретете полной уверенности в себе, это поможет вам двинуться дальше, пока вы не убедитесь, что вы красивы». Эти и подобные им задания прекрасно поднимали самооценку. К примеру, ученицам предлагалось также выполнить упражнение, представляя свое поведение на званом ужине. Стоя перед зеркалом в вечернем туалете, следовало проделывать разные движения и жесты, которые по всей вероятности могли бы повторяться во время настоящего званого ужина. «Каждый жест разделялся на составные части, анализировался на чертеже, как будто речь шла о работе мотора. После рассмотрения вопросов о цвете губной помады, о тонах, накладываемых на лицо, окраске волос курс заканчивался характеристикой различного типа поцелуев: «Оружие, которым вы должны пользоваться умело»...»

Благодаря курсу шарма Норма Джин почувствовала обновление, она словно родилась заново, и, уверенная и раскрепощенная, уже готова была показать миру, на что способна. Осталось только дожидаться своего шанса.

А брак? Разве может брак быть помехой на пути к мечте?!



Юная модель прекрасна и мечтательна

Мистер и миссис Дахерти уже давно стояли на разных пирсах судьбы.

— Фактически наш брак скорее походил на дружбу с сексуальными привилегиями. Позже я узнала, что в большинстве случаев так оно и есть. Я была особенной женой. Я терпеть не могла взрослых. Мне нравились мальчики и девочки, которые были младше меня. Я играла с ними в игры до тех пор, пока не выходил мой муж и не начинал звать меня в постель.



Глава 5

Дэвид Коновер и Андре де Дьенес. Девушка с обложки

Дэвид Коновер был армейским фотографом и служил в киноотделении вооруженных сил США. Любопытно, что его командиром был капитан Рональд Рейган, который через годы станет президентом Соединенных Штатов. Цель визита Коновера на завод Рэдио Плейн была проста: поднять боевой дух солдат – читателей журнала «Янки» с помощью фотографий хорошеньких девочек.

Коновер снял девушку в комбинезоне на линии сборки, а потом в облегающем красном свитере во время перерыва. Молодой фотограф тут же признался юной модели, что ее место на обложке журнала, а не на военном заводе.

Много позже парень признался: «В ее глазах было нечто такое, что тронуло и заинтриговало меня». Из-за этого магнетизма фотограф предложил ей позировать ему за 5 долларов в час. Фотосеансы длились почти три недели, и Норма Джин заработала неплохие деньги. Было решено, что она присоединится к нему для участия в сафари по южной Калифорнии для новой фотосессии. Некоторые из сделанных фотографий попали на стол фотоагентства «Голубая книга». Норму Джин пригласили для собеседования. Это произошло в знойный июньский день 1945 года в отеле «Амбассадор».

С этого момента началась ее карьера девушки с обложки.

На следующий же день после посещения агентства «Голубая книга» Норма Джин бросила работу, чтобы стать натурщицей для рекламы купальных костюмов. Теперь она жила только своими фотографиями, как и многие читатели журналов с краткими названиями: «Пик», «Клик», «Лаф», «Сэр», «Си», зачарованные фотоизображением этой юной нимфы.



Норма Джин все чаще и чаще стала фигурировать на страницах журналов, рассчитанных в первую очередь на мужчин.

Как свидетельствует Энтони Саммерс, «в свои девятнадцать лет эта модель обладала прекрасной фигурой – бюстом в тридцать пять дюймов, который она нещадно эксплуатировала – и белоснежной кожей, которую предпочитала сохранять в таком же виде. У нее были светлые по-калифорнийски волосы до плеч. Но по-настоящему светлыми они становились только летом, когда солнце обесцвечивало их. У Нормы Джин, работавшей моделью, никаких проблем не возникало».

* * *

Накануне Рождества 1945 года Джим Дахерти прибыл на побывку, однако его супруга не могла остаться на праздник, так как была назначена очередная съемка. За эту работу миссис Норме Джин Дахерти предложили две сотни долларов. Ей предстояло провести почти месяц в компании с фотографом по имени Андре де Дьенес. Они отбыли в штат Вашингтон. «Де Дьенес был выдающимся фотографом, который мог бы немало сделать для ее будущей карьеры», – замечают биографы.

Когда она вернулась, Дахерти предложил ей ультиматум. «Я только сказал ей, – признавался впоследствии он, – чтобы она на чем-то остановила свой выбор: сниматься для журналов, может быть, в кино или жить со мной одной семьей».

Однако никакого решения не было принято и Дахерти снова ушел в море. Оказавшись волей судеб в Китае, он получил от жены письмо. В конверте обнаружились бумаги для оформления развода, на которых следовало только поставить подпись. Дахерти решил пока ничего не подписывать, а прежде переговорить с женой...

* * *

Андре де Дьенес был сыном венгерского банкира, иммигрировавшим в Америку. На момент их знакомства с Нормой Джин и любовной рождественской истории, ему было тридцать два года. Андре совсем недавно приехал в Калифорнию в поисках модели, которая могла бы позировать в обнаженном виде. Однажды ему позвонили из агентства «Голубая книга» и порекомендовали новую девушку. Де Дьенес вспоминал:

– Когда появилась эта маленькая блондинка в розовом свитере, я в ту же секунду влюбился в это юное создание. У меня даже возникла мысль жениться на ней. Что в этом было плохого? Я сам был молод и хорош собой.



Пройдет совсем немного времени, и эта девушка покорит весь мир

Сыну венгерского банкира было суждено стать удачливым фотографом, снимавшим голливудских звезд. Когда он сказал Норме Джин, что хочет, чтобы она позировала ему в обнаженном виде, девушка поначалу смутилась.

Де Дьенес начал ухаживать за Нормой Джин, присылал ей цветы и незначительные подарки, а затем и вовсе пригласил на фотосессию на Рождество. Так состоялась их поездка в то время, когда на побывку прибыл муж Нормы Джин.

Во время путешествия де Дьенес, по его словам, на протяжении нескольких дней пытался соблазнить ее. И только когда на их пути не оказалось отеля с двумя свободными номерами, они легли в одну постель.

«Она была прелестна и очень мила, – вспоминал он. – Но больше всего мне понравилось то, что она позволила мне творить с ней». По словам, в постели девятнадцатилетняя Норма Джин открыла для себя такой секс, которого не знала с Джимом Дахерти.

Работая с Нормой Джин зимой на натуре, де Дьенес был в восторге, потому что ей всегда удавалось оставаться «чувствительной, милой маленькой девочкой».

Де Дьенес так увлекся этой девушкой, что даже передал ей деньги, чтобы оплатить судебные издержки за развод с Джимом Дахерти. «Но когда дело дошло до женитьбы, – вспоминал он, – она по телефону отказала мне. Я тогда должен был встретить ее в Вегасе. Охваченный ревностью, я поехал в Лос-Анджелес. Я застал ее врасплох. Она была у себя дома с любовником... Тогда я понял, что все кончено».



Юная Норма Джин

Глава 6

Говард Хьюз. «Я служу для забавы»

Появление Нормы Джин на обложках журналов не осталось незамеченным. Среди прочих мужчин, листавших подобные легкомысленные издания, был глава крупной кинокомпании, эмблемой которой была Эйфелева башня с молниями, сверкающими на верхушке. Человека звали Говард Хьюз, а его кинокомпания называлась «РКО». Если мы вернемся ко времени пребывания нашей героини в приюте, то вспомним, что рядом со старым кирпичным трехэтажным домом, в котором размещался сиротский приют, возвышались студии «РКО» и «Парамаунт», и их вызывающие красно-синие вывески освещали окна. Также в канун Рождества киностудии отправляли своих звездных актрис с подарками к сиротам.

В момент, когда Хьюз заинтересовался милой блондинкой с обложки, он пребывал в клинике голливудских знаменитостей «Ливанские кедры». Причиной его появления здесь стала авиакатастрофа, после которой его тело оказалось закованным в гипс. Тем не менее мужчина не терял присутствие духа и продолжал по мере сил заниматься делами, даже находясь в столь плачевном состоянии. Находясь на больничной постели, он позвонил в одну из своих кинематографических контор, дав наказ разыскать поразившую его воображение фотомодел ь. 26 июля 1946 года в колонке сплетен «Лос-Анджелес таймс» появилась заметка следующего содержания: «Говард Хьюз, находящийся в данный момент на излечении, просматривал журнал, и его внимание привлекла девушка, украсившая обложку. Он тотчас распорядился, чтобы его помощник подписал с ней контракт на картину. Ее зовут Норма Джин Дахерти, фотомодел ь». За двенадцать месяцев светловолосая девушка появлялась на обложке журнала «Лайф» не менее четырех раз. Норма Джин вырезала заметку из «Лос-Анджелес таймс» и с восторгом показывала ее всем знакомым.



Так благодаря магнату Говарду Хьюзу о Норме Джин Дахерти стало известно в кинематографических кругах.

Позируя перед фотографами для популярных легкомысленных журналов и выставя себя по всем тщательно зазубренным правилам школы шарма, девушка часто повторяла: «Это же только для забавы», и добавляла горькое: «Я служу для забавы».

Прошло время, прежде чем Норма и владелец кинокомпании познакомились. Когда девушка пришла на прием, Говард Хьюз протянул ей заготовленный ранее контракт, предложив ознакомиться с его содержанием.

Типовой контракт связывал будущую кинозвезду с мистером Говардом Хьюзом на семьдесят пять лет. Весь этот срок ей причиталось хорошее жалованье, однако она должна была полностью зависеть от «РКО».

Без сомнений, Норма Джин уже замыслила покорить Голливуд, но путь туда казался ей не столь тяжелым, как выходило на деле. Много позже она сделает печальное признание:

— Я стала кем-то вроде «ребенка-вдовы». Я смотрела на улицы глазами, исполненными одиночества. У меня не было родственников, которых я могла бы навестить, или одноклассников, с кем можно было бы пойти на вечеринку... Но всегда находились мужчины, готовые скрасить одиночество девушки...

Говард Хьюз был одним из тех, кто желал видеть рядом с собой обольстительную малышку Норму. Однако их связь была несколько странной: во-первых, киномагнат был постоянно занят и в разъездах, во-вторых, ему доставляло большее наслаждение общаться с ней по телефону, чем наедине. Возможно, он был несколько стеснительным и не знал, как

поступать с хорошенькими девушками, если они оказывались наедине с ним все двадцать четыре часа в сутки. Гораздо большее удовольствие ему доставляло летать с ними на самолете, когда он выступал в качестве пилота, а барышня – в качестве пассажира и восторженного зрителя небесных красот и его мужественного умения управлять крылатой машиной.



Говард Хьюз ежедневно посылал Норме Джин большой букет свежих чайных роз. И это можно принять не только за вежливость богача, но и за излияние нежных чувств. Также он ежедневно звонил Норме по телефону. Причем, во время одного из долгих и пылких общений по телефону девушка так расслабилась и заслушалась, что уснула с трубкой в руке. На следующий день Хьюз признался ей, что почти час не вешал трубку, слушая ее мерное дыхание.

В какой-то момент телефонные звонки голливудского магната стали другими: вместо нежности в его голосе слышалась нервозность. Он стал звонить под вымышленными именами, иногда среди ночи. Как оказалось, подобные странности не только не разочаровывали, но даже больше обычного волновали Норму Джин.

«Она была пленена этим миллиардером, открывшим таких звезд, как Кэтрин Хепберн, Джейн Рассел, который рассказывал об их прелестях, захлебываясь от восторга». Но с ее стороны было нелепо и глупо проводить время в бесконечном ожидании телефонного звонка. Тем не менее девушка привыкла пребывать в напряжении, каждую минуту ожидая услышать его голос.

Среди других причуд, характерных Говарду Хьюзу, были поражающая всех небрежность в одежде и неприятие косметики на женских лицах. Однажды – после долгого времени их страстных встреч – мультимиллионер пригласил ее с подругой приехать в один из его роскошных особняков. Для Нормы Джин это означало одно: завидный холостяк настроен сделать ей предложение руки и сердца.

Она прибыла в Палм Спрингс без косметики на лице и с волосами, заплетенными в косу, – все так, как пожелал он. Владел ли этот мужчина ее сердцем? Пожалуй, да, Норма была очарована им. Но любила ли? – вопрос остается открытым...



И она, и подруга проводили время в особняке, пребывая в волнительном неведении в ожидании того момента, когда прозвучит официальное предложение. Однако вместо слов любви Говард заговорил о делах, которые ему предстоит уладить вдали от этих мест. Как оказалось впоследствии, «этим делом была для него другая женщина, с пышной грудью и волнующими ножками».

Оставив девушек пребывать в неопределенности, кавалер умчался «улаживать дела»; Норма же проводила долгие вечера в роскоши чужого богатства в ожидании телефонных звонков от возлюбленного. Наконец несколько недель спустя Хьюз объявился, чтобы сделать ей прощальный подарок: брошь с изображением музыканта, играющего на флейте. Эта брошь цветного камня была доставлена из магазина, также принадлежащего корпорации Хьюза. Вещицами подобного рода наверняка владели десятки молодых женщин, сумевшие побывать в кабинете Говарда, в его самолете, его особняке, в его постели...

Актриса Терри Мур, ставшая женой Хьюза, признавала, что ее супруг подарил Мэрилин небольшое украшение – драгоценную брошь стоимостью «всего-то» 500 долларов (в ценах пятидесятых годов XX века это было немало).

Флейтист возвещал об окончании любовной игры. Ибо после вручения безделицы прекратилась и ежедневная поставка чайных роз. Юная Норма Джин вновь почувствовала одиночество... в какой уж раз ее бросили на произвол судьбы...

* * *

Не это ли очередное разочарование послужило причиной того, что Норма Джин, даже пребывая в статусе знаменитой киноактрисы Мэрилин Монро, будет чувствовать себя уверенной и защищенной лишь в объятиях незнакомцев, – мужчин, которых она еще не знает настолько хорошо, что можно обольщаться и верить в их любовь и порядочность.

Знаменитый фотограф журнала «Лайф» Филипп Холсмен, с 1949 года много раз снимавший Мэрилин Монро, подтвердит: «Когда она встречала мужчину, которого не знала, то чувствовала себя уверенной и защищенной только тогда, когда понимала, что желанна для него; поэтому все в ее жизни было направлено на то, чтобы спровоцировать это чувство. Талантом в этой области она обладала недюжинным. Я помню, как сам пережил нечто подобное, находясь в ее крошечной квартирке со своим ассистентом и исследователем из «Лайфа». Каждый из нас чувствовал, что, если двое других уберутся, произойдет что-то невероятное».



Говорят: все, что ни делается, – все к лучшему. Так произошло и на сей раз. Едва Норма Джин осталась без опеки богатого покровителя, владельца «РКО», как к ней проявила интерес другая киностудия. Свидетельствует Сильвер Рэнер:

«Мисс Снивли, заведующая агентством «Голубая книга», напыщенная старая дева, поняла, что отчаяние Нормы Джин оборачивается в ее пользу. «Хьюз обещал вам пробные съемки? Мы этим воспользуемся!» Она доверила Норму Джин заботам Элен Эйнсворт, которая, подобно любому другому на ее месте, решила воззвать к фирме, соперничавшей с «РКО», поставив ее в известность о том, что «РКО» проявляет к Норме Джин интерес.

Так Норма Джин была представлена Бену Лайону из «XX век – Фокс». Бен Лайон – звезда немого кино – с появлением звука в кино оказался за экраном. Теперь он зарабатывал деньги, выискивая таланты, и, признаться, делал это неохотно. Норма Джин наконец-то проникла за толстые стены, ограждавшие голливудские киностудии.

Благодаря размолвке с владельцем «РКО» и противостоянию киномагнатов, у Нормы Джин появился реальный шанс попасть на большой экран. В конце августа 1946 года был наконец подписан контракт, связывающий Норму Джин Дахерти с «XX веком – Фокс». Будущая звезда получила новое имя – Мэрилин Монро.

* * *

Если мы думаем, что ступени восхождения на кинематографический Олимп, которыми прошла наша героиня, видны все насквозь, и при этом усыпаны сплошь лепестками чайных роз, то мы наверняка ошибемся. Ибо в ее восхождении есть свои тяжелые тайны, от которых сама актриса старалась тщательно закрыться, забыть их.



О черных пятнах из биографии Монро, когда она была еще молодой женщиной по имени Норма Джин, свидетельствует Э. Саммерс: «Позже, находясь под опекой преподавателя драмы Ли Страсберга, Мэрилин в частной беседе как-то обмолвилась, что в ранние годы жизни в Голливуде она подрабатывала девушкой по вызову. Страсберг, увлекавшийся в ту пору тем, что добивался от своих предполагаемых учеников правдивых рассказов о своей жизни, заметил, что это признание сорвалось у нее с губ во время их первого серьезного

собеседования... Еще он добавил, что позже она поняла, что «ее прошлое девушки по вызову работало против нее»...



Глава 7

Боб Слэтцер и Томми Зан. Любовь на калифорнийском побережье

Нас уверяют, что Норма Джин Дахерти, ставшая Мэрилин Монро, заполучив контракт, связывающий ее с «Фокс», чувствовала себя опьяненной счастьем, и что крупные кинокомпании заключали десятки аналогичных контрактов, не придавая им ни малейшего значения.

«Но для той, которая мечтает стать кинозвездой, с этим контрактом начинается убийственный процесс обесценивания. Заключившая его кинокомпания ждет, пока «звездочка» померкнет и перестанет представлять какую бы то ни было опасность в том смысле, что никакой другой кинокомпании она уже не будет нужна, а потом от нее избавляются. Она может вернуться на свое жалкое место, стать машинисткой, учительницей или просто домашней хозяйкой; но чаще всего она становится гардеробщицей, косметичкой или даже потаскушкой», – пишет автор книги «Трагедия Мэрилин Монро», добавляя: ««Актрисе под контрактом» регулярно выплачивают некоторую сумму денег, чтобы она не впала в полное отчаяние. Время от времени возникают какие-то обстоятельства, которые дают ей повод думать, что дело идет на лад».

Исполненная надежд на красивую сказку и свою блистательную роль в ней, безвестная статистка со звучным именем Мэрилин Монро занималась каждый день, мучая себя пантомимой, танцами, гимнастическими упражнениями и диетами. Впрочем, с диетами особых проблем не было, ведь чаще всего девушка была на мели.



Кому в тот момент эта девушка рисовала сердечко?

После подписания контракта с «Фокс» прошел год, казалось, что юная «звездочка» Мэрилин забыта, ей не звонят, не приглашают сниматься. По утрам вместо любовных посланий и приглашений на обед со знатными персонами она находила в своем почтовом ящике лишь счета да рекламные проспекты...

* * *

В этот же знаменательный 1946 год произошло еще одно важное для нее событие. 1 июня 1946-го Норме Джин исполнилось двадцать, и она проводила свой день рождения в комнате, которую снимала в Лас-Вегасе, – это было нужно для ускорения развода с Джимом Дахерти. А через пару месяцев сюда же, в эту маленькую комнатку, придет Джим, чтобы передать недавней супруге свою часть документов для развода. Норма Джин похвастается мужчине, что отныне ее следует звать Мэрилин Монро, и мужчина из вежливости похвалит красивый псевдоним, в душе сомневаясь в талантах Нормы Джин, – во всех, кроме таланта сексуальной соблазнительницы.

Этот же магический талант практически в то же время почувствует на себе юный журналист Роберт Слэтцер, писавший статьи для гламурных журналов того времени. Пока что ему удавалось интервьюировать лишь начинающих звездочек.

Они познакомились в старой студии «XX век – Фокс» на бульваре Пико. Слэтцер, которому в ту пору было девятнадцать, вспоминал:

– Эта девушка вошла, протиснувшись в большую дверь с большим альбомом в руках. Она зацепилась каблуком или еще чем, и все фотографии высыпались на пол. Я поспешил ей на помощь, я с радостью должен заметить, что было только одно свободное место, где она могла присесть в ожидании своей очереди, – рядом со мной. Она сказала, что ее зовут Норма Джин Мортенсон. ...я сказал, что, возможно, что-нибудь напишу о ней. Все закончилось тем, что мы договорились о свидании в тот же вечер.

К вечеру Боб Слэтцер взял напрокат «Студебеккер», чтобы заехать за Нормой Джин. Они катались по городу, пока не решили поужинать на берегу Тихого океана, в Малибу – месте, словно предназначенном для романтических свиданий.



Конкурс красоты «Мисс изящный силуэт». США, конец 40-х гг. XX века

После легкого ужина парочка гуляла по пляжу и каталась на лодке. Слэтцер признавался, что тогда он чувствовал себя куда более смущенным, чем его подружка. По его признанию, в тот же вечер они занялись любовью...

– Думаю, мы почувствовали мгновенное расположение друг к другу. На мой взгляд, от нее исходила какая-то магия, чего не было у других девушек, которых вам десятками были готовы подsunуть люди из киностудии. Не знаю, но мне кажется, что я полюбил ее тотчас, как только увидел.

Несмотря на запоздалое признание, вспоминая лето 1946 года, Слэтцер не отрицал, что имел свидания и с другими симпатичными девушками. Но девушка, случайно рассы-

павшая свои фотографии в фойе киностудии «XX век – Фокс», всегда жила в его сердце. «Роберт Слэтцер. – сообщает нам Э. Саммерс, – и сегодня еще влюблен в красавицу с пляжа, которая живет в его воспоминаниях. Он завоевал известность, написав весьма противоречивую книгу, в которой не только заявил о своей связи с Мэрилин Монро, продолжавшейся до самой ее смерти, но также уверял, что якобы через шесть лет после их первой встречи был короткое время женат на ней, – трехдневное безумство, охватившее их на мексиканской границе. Такое утверждение, на котором мы остановимся позже, встречено было с изрядной долей скептицизма. Однако все это Слэтцер неизменно повторял в своих многочисленных и обстоятельных интервью. К тому же есть немало надежных свидетелей, подтверждающих близость его отношений с Мэрилин Монро».

* * *

Поговаривают, что в то же лето у юной Нормы Джин в поклонниках был и другой красавчик – парень по имени Томми Зан. Как и блондинка Норма, он некоторое время пробудет статистом на киностудии «XX век – Фокс», которой руководил всемогущий Дэррил Занук. Томми Зан, прошедший курс накачки мускулов, слыл легендарной фигурой на калифорнийском побережье, и работал спасателем. Спасатель, мечтавший стать актером, в конце лета 1946 года «познакомился с многообещающей актрисой, которая на другой год вошла в скромное число его девушек».



Как статисты, они много времени проводили вместе; неделями они занимались тем, что учились актерскому мастерству, пению и танцам. Студия оплачивала Мэрилин ее посе-

щения Актерской лаборатории в театральной школе Голливуда, которую содержала Моррис Карновски. «Она приходила на занятия вовремя и добросовестно выполняла все задания, — говорила эта женщина, — но я никогда бы не сказала, что она добьется успеха».

Несколько лет спустя сама Мэрилин Монро скажет:

— Мои иллюзии ничего общего не имели с тем, какой должна быть хорошая актриса. Я-то знаю, насколько я была заурядна. Я почти физически осязала отсутствие в себе таланта. Если его можно представить в виде одежды, то у меня были дешевые тряпки, которые я носила внутри. Но, боже мой, как мне хотелось учиться! Измениться к лучшему! Больше ничего мне не надо было. Ни мужчины, ни деньги, ни любовь, только умение играть.

В свободное время молодых людей довольно часто видели на побережье. Зан впоследствии вспоминал:

— Она была в самом расцвете сил, с потрясающей физической подготовкой. Я, бывало, брал ее с собой в Малибу, где мы занимались серфингом тандемом, — это когда двое управляют одной доской. Потом я проверял ее и в самый разгар зимы, когда было холодно, и это ничуть ее не беспокоило; она могла спокойно лежать на холодной воде, ожидая прихода волны. На воде она держалась прекрасно, была очень крепкой и здоровой, у нее было по-настоящему прекрасное отношение к жизни. Когда я встретился с ней, мне исполнилось двадцать два года, а ей, по моим прикидкам, было двадцать. Боже, она и в самом деле нравилась мне.



В то далекое лето 1946 года Норма Джин, которой вскоре предстоит стать знаменитой на весь мир блондинкой Мэрилин, развлекалась на побережье с двумя красивыми молодыми людьми. Жизнь казалась ей уже беспечной, однако судьба подбросила ей очередной жестокий удар.

Спустя год по истечении контракта с «Фокс», Мэрилин была уволена. Вместе с Мэрилин был уволен и накачанный красавчик Томми Зан. Причина оказалась слишком банальное. Прежде чем попасть в статисты, Томми познакомился с юной дочерью Дэррила Занука, босса киностудии. Она-то и привела парня к отцу. А когда его интрижка с Мэрилин стала слишком очевидна для окружающих, их обоих вытурили из рядов начинающих киноактеров.

Жалел ли Томми, что не стал зятем Занука? Возможно. После так бесславно окончившегося голливудского этапа в своей жизни Томми махнул в Гонолулу.

Что касается самой Монро, то она продолжила занятия по актерскому мастерству, оплачивая их из денег, получаемых за позирование для журналов, в том числе обнаженной, и, по всей видимости, за счет дохода, который имела, работая девушкой по вызову.



Глава 8

Наташа Лайтес. Бездарность в роли наставницы

В какой-то момент Мэрилин получила новый контракт, на сей раз с другой кинокомпанией. Контракт сроком на полгода, заключенный до 8 марта 1948 года, гарантировал Монро сто двадцать пять долларов в неделю от кинокомпании «Коламбия». В ожидании подходящей для нее роли юная Мэрилин должна была заниматься со студийным репетитором Наташей Лайтес.

Наташа Лайтес была замужем за писателем Бруно Франком. Вместе с мужем они бежали из Германии, когда в стране к власти пришли нацисты. Им повезло, все военные годы, когда многие их единовверцы попали в концлагеря, эта творческая пара провела в Голливуде. Надо сказать, что Америка в годы Второй мировой войны принципиально не принимала евреев, как, впрочем, и большинство стран мира. Супружеская пара Лайтес и Франко жила на территории «Коламбии», в комнате, где постоянно царил беспорядок. Не выдержав сосуществования с неряхой и занудой, мнящей себя великой актрисой, муж Лайтес сразу по окончании войны возвратился в Германию. Тогда как его супруга осталась в Голливуде.

Биографы блистательной блондинки Мэрилин Монро, говоря об этом персонаже в ее жизни, чаще всего высказывают нелестное мнение о характере и творческих способностях еврейской беженки, сыгравшей свою роль в жизни звезды.

Мечтой Наташи Лайтес было «стать великой актрисой в труппе режиссера Макса Рейнгардта»; «Свой провал она приписала политическим обстоятельствам, а не внешним данным или бездарности. С той поры у нее осталась ярко выраженная мания величия»; «Худая, некрасивая, она отыгрывалась за свою не удавшуюся ни в театре, ни в кино карьеру, унижая начинающих киноактрис, с которыми ей предстояло работать»; «Наташа Лайтес прививала красивым девушкам комплекс неполноценности с единственной целью убедить, что их «прелести» вовсе не преимущество, а признак виновности перед ней, тощей и нескладной Наташей»; «Она действовала в два приема: сначала смешивала дебютантку с грязью так, что та заливалась слезами, а потом, приняв маску великодушия, изображала покровительницу»; «На студии она скорее играла роль жрицы в изгнании, нежели служащей, обязанной заниматься с начинающими киноактрисами»; «Подобно укротителю, знаками руководящему животным на расстоянии, Лайтес непрестанно обращалась с Мэрилин, кивая головой в знак одобрения или выражения недовольства».



Известно, что Мэрилин на первый урок с Наташей Лайтес опоздала на полчаса. Мстительная женщина сначала сделала вид, что не замечает ученицу, а затем и вовсе стала изводить ее упреками и презрительными замечаниями. «Рыдания Мэрилин, которых так ждала Наташа, были для нее как бы сигналом к примирению, клятвой верности ее персоне. Она подошла к молодой разочарованной женщине, взяла ее за руку и стала утешать, обещая, что «позаботится о ней, как о родной дочери»». Впрочем, предельная послушность дебютантки, ее некая мазохистская покорность перед этой никчемной женщиной сыграли свою положительную роль.

Благодаря этим уничижительным качествам, применяемым Мэрилин во время занятий с Наташей Лайтес, та стала относиться к девушке с явной симпатией, и вскоре даже подобрала для нее первую незначительную роль.

Благодаря Лайтес Мэрилин Монро получила роль в серийном фильме «Эти дамы из мюзик-холла», где должна была играть выступающую в стриптизе девицу, влюбленную в богатого парня. Также Мэрилин пела дуэтом с героем картины две простенькие по содержанию песенки: «Все знают, что я тебя люблю» и «Каждой крошке нужен папа». Репетиции песен и фильма проводил композитор, аранжировщик и дирижер Фред Каргер, служивший заведующим музыкальной частью «Коламбии».



От несоответствия между надеждами и реалиями, от тяжелого труда и постоянных репетиций Мэрилин вдруг впала в меланхолию. Она жила тогда в комнатке на Сансет-Стрип, и только то и делала, что взвешивалась, занималась макияжем да напевала песенки, сидя часами в ванной. Похоже, что это были ее единственными развлечениями.

Немудрено, что в какой-то момент девушка перестала ходить на занятия, сказавшись больной. К счастью, ей повезло. Фред Каргер, хоть и разочарованный в жизни человек, не был черствым и бездушным. Именно Каргер навестил захандрившую Монро в ее небольшой комнате, а, побывав там, заявил, что она «страдает от одиночества, недуга, знакомого и ему, и что от него легко избавиться». Он посоветовал ей переселиться в женский отель «Голливудская студия» как раз по соседству с «Коламбией».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.